

Королева родила сына, который был наречен Жаном. Ее приближенные звали его Тристрамом из-за великих горестей, которые сопровождали его появление на свет. В тот день, когда она разрешилась от бремени, ей рассказали, что люди из Пизы, Генуи и других вольных городов собираются бежать из Дамиетты. На следующий день она собрала их всех у своего ложа. Помещение было полно людьми, и она сказала им: «Господа, не оставляйте этот город, ибо вам должно быть ясно, что если мы потеряем его, то король и все, кто попал в плен вместе с ним, без сомнения, погибнут. Если эта мольба не тронет вас, то, по крайней мере, сжальтесь над этим бедным крохотным созданием, что лежит здесь, и подождите, пока я не оправлюсь».

На что они ответили: «Госпожа, но что мы можем сделать? В этом городе мы умираем от голода». Королева сказала, что они не должны покидать город из-за страха голода. «Потому что, – сказала она, – я прикажу от своего имени купить всю еду в городе и отныне буду содержать всех вас за счет короля». Обсудив между собой положение дел, они вернулись к королеве и сказали ей, что охотно останутся. И затем королева – да благословит ее Бог! – скупила все припасы в городе на сумму триста шестьдесят тысяч ливров. Но ей пришлось подняться со своего ложа раньше назначенного времени, потому что город должен был быть сдан сарацинам. Так что она направилась в Акру ждать появления короля.

Пока его величество ждал освобождения графа де Пуатье, он послал брата Рауля, монаха-доминиканца, к эмиру Фарессу-ад-дину-Октаю, который был одним из самых честных сарацин из всех, которых я когда-либо видел. Этот монах сказал ему, что король предельно изумлен, что он и другие эмиры позволили так грубо нарушить договор: они перебили всех больных, о которых клятвенно обещали заботиться, разбили на куски его осадные машины, сожгли тела больных, а также запасы солонины, которые тоже обещали сохранить.

Отвечая монаху, Фаресс-ад-дин-Октай сказал: «Иди и скажи своему королю, что по моим законам я не сделал ничего, за что должен просить прощения, но я очень огорчен. И кроме того, предупреди его величество, чтобы он, пока находится в наших руках, ничем не показывал, что это печалит его, – ибо это будет означать его смерть». Кроме того, эмир высказал мнение, что, как только король окажется в безопасности в Акре, он сможет снова поднять этот вопрос.

Глава 11 КОРОЛЬ В АКРЕ

Май 1250 – март 1251 года

Поднявшись на борт, король убедился, что его люди ничего для него не подготовили: ни постельного белья, ни одежды. Так что, пока мы не добрались до Акры, ему приходилось лежать на матрасе, полученном от султана, и носить ту одежду, что дал ему султан. Она была из черного атласа, оторочена мехом горноста и серой белки и украшена большим количеством пуговиц, все из чистого золота.

Из-за плохого состояния моего здоровья все шесть дней, что мы были в плавании, я провел сидя рядом с королем. За это время он рассказал мне, как был взят в плен и как с Божьей помощью выторговал выкуп за себя и за нас. Он заставил меня, в свою очередь, рассказать, как я был взят в плен на воде, и, выслушав мою историю, сказал, что должен испытывать большую благодарность Господу нашему, который спас меня от столь серьезной опасности. Король глубоко скорбел о смерти своего брата графа д'Артуа и сказал, что, будь он жив, никогда бы не покинул общество короля, как сделал граф де Пуатье, а явился бы повидаться с ним на борт его галеры.

Король пожаловался мне также на другого своего брата, графа д'Анжу, который, хотя и находился на борту того же судна, редко бывал в его обществе. Как-то, спросив, чем занимается граф д'Анжу, король услышал, что он играет в кости с Готье де Немуром. Невзирая на болезненную слабость, король неверной походкой подошел к игрокам. Он схватил доску и кости, выкинул их в море и громогласно обвинил своего брата в том, что тот так быстро занялся азартными играми. Тем не менее упреки короля пошли на пользу мес-сиру Готье, потому что он сгреб себе на колени все деньги со стола – а их там было достаточно – и убежал с ними.

А теперь я собираюсь рассказать вам о бедах и испытаниях, пережитых мною во время пребывания в Акре и от которых Господь, в которого я всегда верил и буду верить, в конце концов